

ющие аналогичные профили керамики с Итальянского полуострова: из могил культуры Вилланова и из протоэтруских могил, датируемых VIII—VII вв. до н. э.⁵⁹. Еще большее значение для установления хронологии средненурагического периода имеют находки в Этрурии сардских бронзетти, которые по археологическому контексту датируются VIII—VI вв. до н. э.⁶⁰.

До середины XX века среди исследователей сардских памятников господствовало мнение о том, что между энеолитом и нурагическим периодом существовал значительный разрыв: расцвет энеолитической культуры датируется первой половиной II тыс. до н. э., а основная масса памятников нурагической культуры — первой половиной I тыс. до н. э. Разрыв во времени совпадал с разрывом в культурных традициях, из чего делалось предположение о появлении в Сардинии в конце II тыс. до н. э. новой этнической группы, создавшей нурагическую культуру⁶¹. Дальнейшее изучение сардских памятников показало, что разрыв между энеолитом и нурагическим периодом следует сократить. Внимание исследователей было обращено на непрерывность в развитии погребальных сооружений острова — от гротов к дольменам, а от них — к могилам гигантов, типичным памятникам нурагической эпохи, и на ранние формы нурагов, строительные традиции которых восходят к энеолиту⁶². Наконец, археологический материал, накопившийся к 60-м гг., позволил выделить археологические культуры, промежуточные между энеолитом и нурагическим периодом — культуры Буннаннано и Монте Кларо. Изучение этих культур только начинается, но бесспорно то, что они связаны как с энеолитическими культурами острова, так и с ранними нурагами⁶³.

Л. С. КЛЕЙН

О ХАРАКТЕРЕ РИМСКОГО ИМПОРТА В БОГАТЫХ КУРГАНАХ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ДОНУ

Более ста лет назад на окраине Новочеркасска был раскопан курган Хохлач — «главный памятник» сарматской эпохи,

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Bouchier E. S. *Sardinia in ancient times*. Oxford, 1917, p. 44.

⁶² Zervos Chr. *La civilisation ...*, p. 38.

⁶³ Lilliu G. *Op. cit.* — RSI, LXXVII, p. 406—408.

по выражению И. И. Толстого и Н. П. Кондакова¹. Золотые изделия из этой могилы, несомненно царского разряда, открытой случайно, поступили в Особую кладовую Эрмитажа и приобрели мировую известность под именем Новочеркасского клада. Это типичные местные вещи (диадема, гривна, браслет, сосуды и проч.), украшенные рельефными изображениями в сарматском зверином стиле. Поскольку весь комплекс до сих пор не опубликован, менее известны оказались серебряные и бронзовые сосуды из Хохлача — аск, амфора, кружка, кувшины — импорт из пределов Римского государства.

Век спустя после того, как был раскопан Хохлач, неподалеку от него автору этих строк с группой студентов-археологов (это был Новочеркасский отряд Кобяковской экспедиции, начальником которой была С. И. Капошина) довелось раскопать второй по значению памятник этого круга — Садовый курган². Здесь тоже с серией золотых вещей сарматского звериного стиля (фалары) сочетались импортные сосуды — 8 серебряных позолоченных чаш с медальонами, серебряный таз, бронзовый таз и др. Римским импортом Садовый курган даже богаче Хохлача. В те же годы другими отрядами Кобяковской экспедиции было раскопано в числе сарматских курганов еще два богатых, хотя и не столь, как вышеназванные, — в Багаевском районе (между хуторами Верхне-Янченков и Кудинов)³. И здесь нашлась импортная римская бронзовая посуда — амфоры, тазы, аск.

Римский импортный металл открывали в сарматских курганах, хотя и менее крупными порциями, также другие экспедиции на соседних территориях на Нижнем Дону. В целом этому материалу специально посвящен ряд работ Д. Б. Шелова, С. И. Капошиной, Б. А. Раева, вышла ценная довольно полная сводка В. В. Кропоткина⁴.

¹ Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. Спб., 1890, с. 132.

² Клейн Л. С. Садовый курган — новый выдающийся памятник сарматской культуры. — «Вестник ЛГУ», 1962, № 20, с. 164—167; *Kaposhina S. I. A Sarmatian royal burial at Novotcherkassk.* — «Antiquity», 1963, vol. XXXVI, N 148, p. 236—258; *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркаска. — «Вестник Академии наук СССР», 1963, № 3, с. 128—130.

³ *Капошина С. И.* Итоги работ Кобяковской экспедиции. — КСИА, 1965, № 103, с. 45—52.

⁴ Шелов Д. Б. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э. — *Acta archaeologica Ac. Sc. Hungariae*, 1965, t. XVII, s. 251—274; *он же.* Западноримские импорты в Нижнем Подонье

В 1969—1973 гг. раскопки сарматских курганов под Новочеркасском продолжила руководимая мною экспедиция Ленинградского университета^{4а}. Наши раскопки дали еще несколько сарматских комплексов, в том числе один довольно богатый — с импортными бронзовыми сосудами: кувшином и тазом с медальоном⁵.

Несмотря на, казалось бы, хорошие показания для датировки (римский импорт), хронология этих комплексов долгое время оставалась шаткой. «Главный памятник» — Хохлач — датировали от III в. до н. э. (Э. Миннз) до III—IV вв. н. э. (И. И. Толстой и Н. П. Кондаков). Позже размах колебаний сузился вдвое: от I в. до н. э. (М. И. Артамонов) до II в. н. э. (Д. Б. Шелов). Садовый курган был датирован концом I в. до н. э. или руб. н. э. (С. И. Капошина) или I в. н. э. (Л. С. Клейн). Работы Кобяковской экспедиции и наши раскопки последних лет позволили уточнить хронологию этих памятников, так как дали комплексы (Багаевские и Соколовские курганы), сравнительно хорошо датированные керамикой и импортными вещами из металла и в то же время тесно связанные многими редкостными аналогиями с Хохлачом и Садовым курганом. Это позволило разместить всю группу предположительно на отрезке от сер. I в. н. э. до сер. II в. н. э.⁶; для части импорта остается в силе датировка Д. Б.

в первые века н. э. — ЗОАО. Одесса, 1967, т. 2(35), с. 99—113; Капошина С. И. Итальянский импорт на Нижнем Дону. — Там же, с. 208—213; она же. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и первые века н. э. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 145—150; Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. — САИ, М., 1970, вып. Д1—27.

^{4а} В осмыслении ее результатов и сложились идеи данной работы. В начале 1971 г. она была доложена (первое изложение см.: «Ленинградский университет», 1971, № 16, 17, 20, 21) на заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ и в секторе древнего мира ЛОИИ; ценные соображения участников обсуждения (Д. П. Каллистов, А. А. Нейхард и др.) с признательностью учтены автором. Автор благодарен также за советы и помощь при подготовке работы к печати Б. А. Расву.

⁵ Клейн Л. С. и др. Курганы под Новочеркасском. — АО 1970. М., 1971, с. 103; Раев Б. А. Богатое сарматское погребение из 3-го Соколовского кургана. — «Вестник ЛГУ», 1972, № 20, с. 128—130; он же. Бронзовый таз из 3-го Соколовского кургана. — СА, 1974, № 3, с. 181—189; он же. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона. — СА, 1976, № 1, с. 123—134.

⁶ Раев В. А. Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. — Bulletin des Musées Royaux d'Arts et d'Histoire. Bruxelles, 1977, N 46, p. 139—149; Раев В. А. Металлические сосуды кургана Хохлач (материалы к хронологии богатых курганов сарматского времени в Нижнем Подонье). — «Проблемы археологии», № 2, 1978, с. 89—94.

Шелова (II в. н. э.). Уточнение хронологии важно для более правильного определения характера импорта.

В. В. Кропоткин и Д. Б. Шелов рассматривают весь состав римского импорта в наших степях как результат торговли⁷. Этот вывод они распространяют и на ту парадную столовую художественную посуду из бронзы и серебра, которая оказалась в богатейших сарматских курганах Подонья. В. П. Шилов показал маловероятность проникновения римского столового серебра к сарматам торговым путем через Танаис⁸. Между тем если торговое происхождение амфорной тары, стеклянных сосудов и других статей экспорта римских провинций не вызывает сомнений, то с художественным металлом, особенно парадной посудой, дело обстоит иначе.

Сравним их распространение. Карты, составленные В. В. Кропоткиным (в его своде это рис. 1, 4, 9, 14, 16, 27), показывают, что находки амфорной тары, краснолаковой керамики и стеклянных сосудов, возьмем ли мы широкий отрезок времени (I в. до н. э. — V в. н. э.) или более узкий (I в. до н. э. — нач. I в. н. э.), густо рассыпаны у границ Римского государства и в непосредственной близости от античных городов Северного Причерноморья. Они покрывают Молдавию, Левобережную Украину, выходят на правый берег в Среднем Поднепровье, дают скопления в низовьях Дона и на Кубани.

Карты распространения металлических римских сосудов составлены у В. В. Кропоткина лишь по видам изделий, без разделения по векам, что скрадывает существенные различия. Если же нанести на карту только бронзовую столовую и культовую художественную посуду и только первых двух веков н. э. (времени Хохлача и Садового кургана, в широком понимании), то сразу же бросится в глаза резкое отличие полученного ареала (рис. 1) от рассмотренного выше. Как раз Правобережная Украина и Молдавия почти пусты, Левобережная Украина — тоже, и лишь на Дону и за Доном, в Поволжье и Прикубанье, густо размещаются находки. Еще кон-

⁷ Шелов Д. Б. Указ. соч.: Кропоткин В. В. Указ. соч., с. 5—8, 42; *он же*. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

⁸ Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. — КСИА АН СССР, 1973, № 138, с. 64—65.

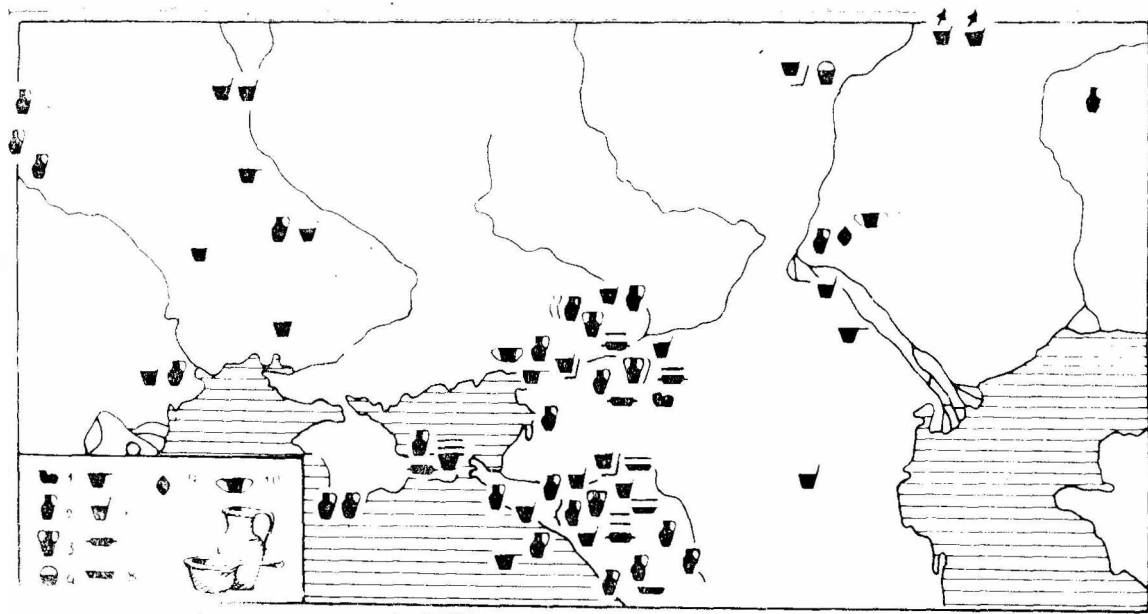

Рис. 1. Распространение импортной бронзовой столовой, туалетной и культовой художественной посуды I—II вв. н. э. Условные обозначения: 1 — аск, 2 — кувшин, ойнохойя, 3 — амфора, 4 — ситула, 5 — патера, 6 — ковш, черпак или цедилка, 7 — таз, 8 — миска, блюдо, 9 — пиксида, 10 — кратер или канфар

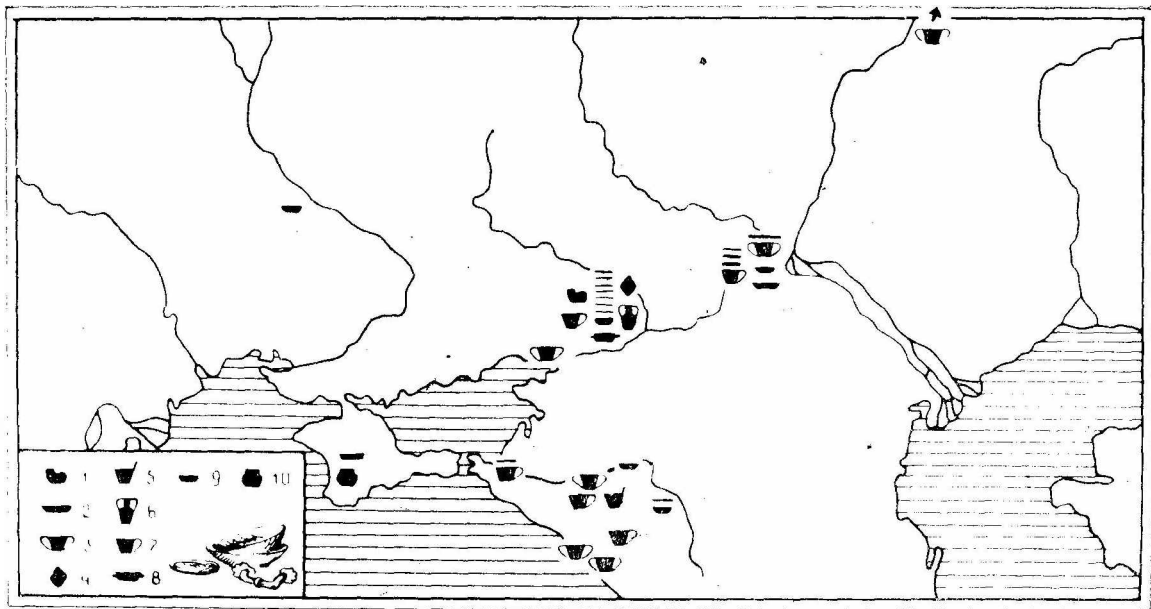

Рис. 2. Распространение импортного художественного столового и туалетного серебра I—II вв. н. э. Условные обозначения: 1 — аска, 2 — блюдо, миска, 3 — канфар, двуручная чаша, 4 — пиксида, 5 — ковш, черпак, 6 — амфора, 7 — кубок, 8 — таз, 9 — чаша-фиала, 10 — сосуд не установленной формы

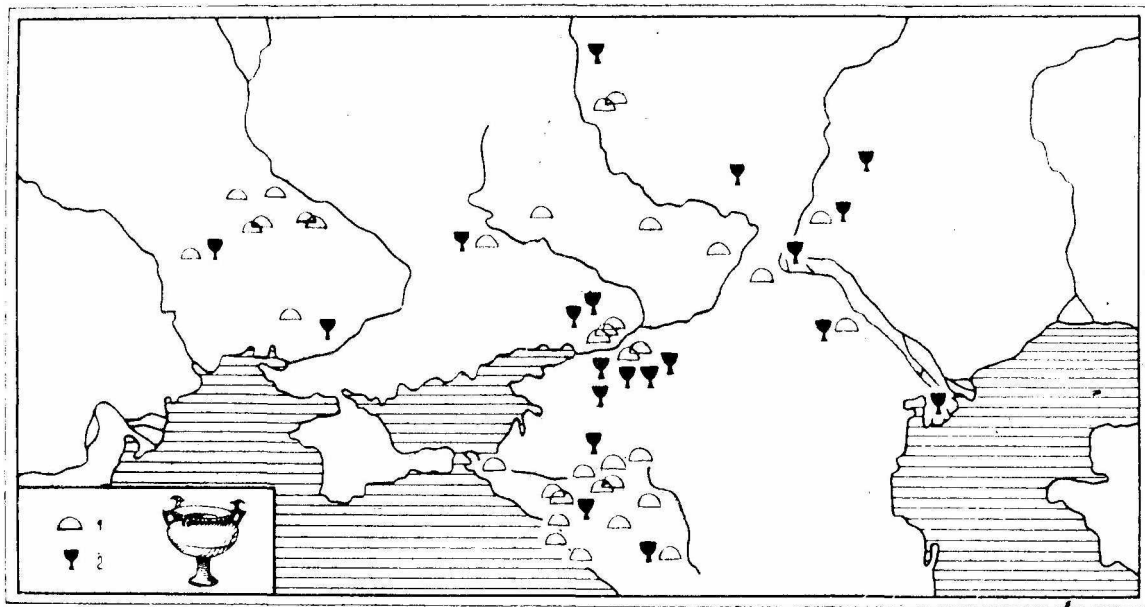

Рис. 3. Размещение богатых могил сарматского круга I—II вв. н. э. Условные обозначения: 1 — богатые погребения сарматского круга (включая раннеаланские), 2 — литые бронзовые котлы

трастнее становится это отличие при картировании художественного столового серебра (рис. 2). Трудно объяснить это отличие спецификой торговли различными статьями экспорта. Неужели к западу от Дона совсем не было спроса на художественную столовую посуду или не было достаточно богатых покупателей?

Можно поставить контрольный вопрос в несколько ином плане: не отсутствовали ли к западу от Дона вообще богатые сарматские погребения или обычай класть в них посуду? Для проверки составляем карту богатых сарматских могил I—II вв. н. э. и больших литых бронзовых котлов, находимых обычно в богатых могилах (а иногда — в качестве случайных находок). Результат (рис. 3) очевиден: богатые сарматские погребения к западу от Дона в I—II вв. н. э. были (причем обычно — с импортными вещами), и посуду в них клали, но свою, сарматскую. Почему-то богатейшая художественная столовая посуда из римского государства проносилась мимо этих богатых сарматов, обходила их, отправлялась дальше на восток, не оседая там, где оседали все обычные римские товары. Зарождается подозрение относительно столовой посуды, что это и не были товары, не были предметы торговли.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что если драгоценные греческие сосуды из скифских курганов были изготовлены специально с расчетом на скифского потребителя (несут изображения на сюжеты из скифского эпоса и мифологии), то римские драгоценные сосуды из сарматских курганов (так же как из германских кладов и погребений) первоначально явно для сарматов или германцев не предназначались (на одном кубке из Хоби даже изображен коленопреклоненный варварский вождь, целующий руку римскому военачальнику, сидящему в кресле). Вкусы сарматских князей хорошо выражены в собственно сарматских изображениях звериного стиля — это кровавые сцены борьбы и терзания зверей. Вряд ли этого потребителя особенно интересовали тонкости взаимоотношений Амура и Психеи. Торговцы уникальными драгоценностями не могли игнорировать вкус предполагаемого покупателя.

С. И. Капошина, отметив бедность рассматриваемых категорий импорта в античных городах Северного Причерноморья, высказала предположение, что роскошная серебряная и бронзовая посуда донских сарматских курганов является военной добычей, которую сарматские вожди принесли из по-

ходов Митридата (по письменным источникам известно участие сарматов на стороне Митридата) ⁹.

Однако для военной добычи слишком странной приходится признать высокую избирательность категорий. При ограблении побежденных, взимании дани, контрибуции и т. п. обычно не делалось разбора — хватали любое богатство, попавшееся под руку: женские украшения, дорогое оружие, предметы парадного конского убора, столовую посуду, ритуальную посуду, инсигнии власти, дворцовую мебель, статуи и проч. В сарматских же курганах из всех этих категорий налицо только художественная посуда. Не то, чтобы в них не было дорогих предметов конского убора, инсигний власти и т. п. — они есть, но свои, местные, выполненные в сарматском зверином стиле. А вот парадная художественная металлическая посуда — привозная.

Кроме того, для военной добычи, полученной из совместных походов с Митридатом, очень странно обилие импорта из Придунайских провинций в сарматских курганах Дона. Митридат, как известно, столь далеко на запад не ходил.

В подтверждение предположенного ею характера римского импорта в указанных сарматских курганах, С. И. Капошина опирается на якобы случайный, сборный состав винного сервиза, оказавшегося в Садовом кургане. Она полагает, что среди восьми серебряных чаш сервиза изначальными комплексами являются несколько пар, выявленных по сюжетам их медальонов и по орнаментальному оформлению (пара — на сюжет из мифа об Амуре и Психее, пара — с Нереидами на тритонах, везущих оружие Ахиллу, пара — с Нереидами, плывущими на гиппокампах), а все вместе они объединены случайно, то есть, по сути, это не цельный сервиз, а случайный набор чаш. Их мог объединить первоначальный хозяин, а мог и грабитель.

Это совершенно не так. Все восемь чаш выполнены в одной мастерской: они имеют одинаковую форму и близкие размеры, орнаментированы в одном стиле, более на таких чашах (металлических фиалах) пока не встреченном (мотив эгиды), одинаково позолочены и снабжены все, как одна, накладными медальонами.

Еще более примечательно, что количество чаш в сервизе (8) не является случайным: оно повторяется в других памятниках, весьма широко разбросанных по Европе. Через два

⁹ Капошина С. И. Связи сарматских племен..., с. 149.

года после открытия Садового кургана был раскопан В. П. Шиловым очень схожий по составу и близкий по дате комплекс в пос. Октябрьском близ Жутова в Волго-Донском междуречье: там тоже было 14 фаларов и тоже 8 импортных сосудов¹⁰. Это старая традиция. Относящийся к бронзовому веку клад Эберсвальде близ Берлина имел в своем составе 8 золотых сосудов (Гальштатский импорт)¹¹. Богатейший клад римского столового серебра и бронзы, датируемый концом I в. до н. э. — нач. I в. н. э., в Дании — Хоби на Лоланде, — дал 8 сосудов, правда, собранных из разных категорий (кубки, рога, черпак, ситула, сковородка)¹². В княжеском погребении I в. н. э. Любзов (Германия) также набор металлической посуды состоит из 8 предметов: 2 рога, 2 кубка, 2 черпака, кувшин и тарелка (если не считать большого ведра)¹³. Золотой клад Панагюриште (Болгария), IV в. до н. э., дал, как и Любзов, 9 сосудов, но для питья только 8 (4 ритона, 3 кубка-кувшина, 1 фиала); девятый сосуд — амфора¹⁴. Особенно показателен в этом отношении знаменитый клад римского серебра Гильдесгейм (втор. пол. I в. до н. э. — перв. пол. I в. н. э.). В составе посуды здесь оказалось 8 подносов и блюд, 8 чаш-фиал и 9 кубков, но один из этих девяти значительно выше других и, так сказать, выпадает из ряда, видимо, добавлен со стороны¹⁵. Клад приписывают какому-то римскому военачальнику, погибшему в Германии, но приведенные сопоставления говорят против этой догадки.

Мы видим, что греческая и римская столовая металлическая посуда за пределами античных государств, в варварской Европе, очень часто оказывается в наборах по 8 предметов. Поскольку и у римлян и у германцев был обычай подавать пирующим по паре одинаковых сосудов (для двух видов на-

---

¹⁰ *Бентович И. Б.* Сектор Средней Азии и Кавказа в 1963 и 1964 гг. — КСИА, 1966, № 108, с. 138.

¹¹ *Schuchhardt C.* Der Goldfund. von Messingwerk bei Eberswalde. Berlin, 1914.

¹² *Johansen K. Fr.* Hoby-fundet. — In: Nordiske fortidsminder. Bd. II, H. 3. Kjobenhavn, 1923, s. 119—164.

¹³ *Eggers H. J.* Der römische Import im Freien Germanien. Hamburg, 1951, S. 106, N 688.

¹⁴ *Zontschew D.* Der Goldschatz von Panagjurische. — «Das Altertum», 1957, Bd. 3, H. 3, S. 150—159.

¹⁵ *Pernice E., Winter F.* Der Hildesheimer Silberfund. Berlin, 1901.

питков)¹⁶, вполне возможно, что сервиз предназначался для четырех участников пира. В самом античном мире такого порядка накрывания стола (на 4 или 8 персон) не наблюдается. Триклиний предусматривал, очевидно, тройственное расположение и количество пирующих, кратное трем (обычно девять)¹⁷. С востока распространялась трапеза с 12 участниками, приведшая к стандартным сервизам современного мира (на 12 персон). Есть лишь одно исключение из этой негативной констатации: среди 108 сосудов сокровища Боскореале в Италии имеются четыре пары серебряных скифосов и 4 пары серебряных канфаров¹⁸, но так как в другом крупном кладе серебра в Италии — в кладе из Каза дель Менандро в Помпеях — среди 118 сосудов оказались три пары скифосов и две пары канфаров¹⁹, то частичное совпадение боскореальского набора с периферийными можно считать случайным (или предположить, что в состав клада Боскореале вошли сосуды, подготовленные к отправке за рубеж). Трудно сказать, в отношениях с какими племенами сложилась у греков и римлян традиция посылать варварам наборы по 8 сосудов (судя по Эберсвальде, скорее это были германские племена²⁰, чем скифско-сарматские), но традиция эта держалась долго.

Во всяком случае ясно, что такие наборы греки и римляне изготавливали не для себя. Обратившись вновь к сервизу из Садового кургана, мы можем заметить, что, хотя сделан он и специально на заказ в одной мастерской, но в мастерской, не подготовленной к выполнению таких заказов. В этой мастерской привыкли изготавливать парные и одиночные фиалы. Получив заказ на одностильный, цельный набор из 8 фиал, хозяин мастерской соединил три близких по виду пары, добавил одну подходящую одиночную фиалу (с медальоном, изображающим Силену в винограднике), а так как до требуемого числа все же не хватило одной фиалы, а набор наличных форм и сюжетов был, видимо, исчерпан, то хозяин вы-

¹⁶ Werner J. Römische Trinkgefäße in germanischen Gräbern der Kaiserzeit. — In: Kirchner H. (Hrsg.). Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahl-Festschrift). Heidelberg, 1950, S. 168.

¹⁷ Hug A. [s. v.] Triclinium. — In: Pauly-Wissowa Realencyclopädie, 2. R., Bd. 13, 1939, s. 95.

¹⁸ Villefosse Héron A. de. Le trésor de Boscoreale. Paris, 1899.

¹⁹ Maiuri A. La Casa del Menandro. Roma, 1932.

²⁰ См. также: Bremer O. Vier und acht. Streitberg-Festgabe. Leipzig, 1924, S. 20—23; Семка Е. С. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира. — «Труды по знаковым системам». Тарту, 1971, № 5, с. 92—123.

шел из положения так: велел попросту повторить какую-нибудь фиалу — все равно какую. И была повторена одна из парных фиал с медальоном, изображающим Нерейду на Гиппокампе. Так было достигнуто требуемое количество, и набор оказался цельным.

Никаким ограблением, никакими случайностями военной добычи весь этот ряд совпадений объяснить нельзя.

Пересмотр хронологии и совсем отмечает увязку рассматриваемого импорта с походами Митридата: основная масса этого импорта значительно моложе.

Делая предположение о военной добыче, С. И. Капошина не исключала и торговое происхождение какой-то части импорта, о котором идет речь. Но это при ее датировке и вовсе отпадает: ведь эпоха Митридатовых войн была сопряжена с упадком торговли, с экономической блокадой античных городов Боспора со стороны Рима — было бы чрезвычайно странно, если бы это сопровождалось расцветом римского вывоза художественных серебра и бронзы на Дон и Кубань.

Если не торговля и не военная добыча, то что же?

Здесь надлежит исходить из учета того места, какое занимали предметы торевтики в жизни римлян и в их обычаях. Римляне если и не ценили серебро выше золота, то во всяком случае любили больше: дань с побежденных народов всегда брали серебром, а не золотом²¹. В императорском Риме распространилась настоящая эпидемия коллекционирования художественных изделий из серебра и бронзы. За них платили баснословные суммы. За фиалу с медальоном, изображающим сцену с Улисом и Диомедом, было уплачено 10 тыс. сестерций, за два небольших кубка работы Ментора — 100 тыс. сестерций²². «Серебро, я схожу с ума от него!» — восклицал Тримальхион у Петрония. Но сходили с ума и более значительные фигуры. Известна страсть наместника Сицилии Верреса, который обдирал медальоны со всех серебряных чаш и блюд своих подвластных и создал специальную мастерскую для прилаживания этих медальонов к новым сосудам²³, а в самое утро процесса, на котором против него должен был выступить прославленный Цицерон, Веррес пошел смотреть серебряные вещи к одному знакомому. Римлянам должна была казаться противоестественной мысль про-

²¹ *Plin. Sec. Nat. Hist.*, XXXIV, 15.

²² *Ibid.*, XXXIII, 53, 55.

²³ *Cicero, In. Ver.*, IV.

давать художественное серебро варварам — почти так же, как казалось бы несуразным европейскому аристократу XVII—XVIII веков продавать картины лучших художников индейцам или африканцам.

Однако это на уровне обычных, низовых контактов. На уровне верхов художественное серебро уходило и за границы римского государства. Именно художественная серебряная и бронзовая парадная (столовая и декоративная) посуда была излюбленным предметом дипломатических даров иностранным государям и их послам²⁴. Об этом сообщает Тацит. Правда, он тут же добавляет, что серебряные сосуды (*argentea vasa*), которые даются германским князьям и послам как подарки, не ценятся ими выше глиняных²⁵. (Археология, впрочем, показывает, что германские князья и послы недолго страдали такой недооценкой). Именно для этих дипломатических okazji и составлялись наборы по 8 сосудов.

О том, что серебряные сосуды (особенно с медальонами) были в варварском окружении Рима предметами царского обихода и международного общения на уровне верхов, свидетельствуют надписи на некоторых из этих сосудов. На дне серебряной тарелки из Симферополя греческая надпись: βασιλο(ς)ης Γουλα(ι) λυρηως, то есть «царицы Гилепирии» (38—45 гг. н. э.). На серебряном блюде с лавровым венком на дне из Керчи III в. н. э. две надписи: 'Αυτ(ωνεινου) βα(σιλευς) и 'Ρησκούλορε βασιλευς, то есть «царя Антонина» и «царя Рискупорида». Предполагают, что блюдо подарено М. Авр. Антонином Каракаллою боспорскому царю Рискупориду III. На блюде с погрудным изображением императора Констанция II, из Керчи же, латинская надпись: DN CONSTANTI AVGVSTI VOTIS XX. Кубок с рельефом из кургана у стан. Даховской имеет надпись: Πατα βασιλευς Παχορου, то есть «от царя Покура» (предположительно I в. н. э.)²⁶. В арзнийском некрополе римские чаши с медальонами оказались лишь в самых богатых могилах грузинских питнахшей²⁷. На роль римского столового серебра, особенно сервизов для вина, в качестве рим-

²⁴ Wheeler M. Der Fernhandel des römischen Reiches in Europa, Afrika, Asien. München-Wien, 1965, S. 22, 46, 49, 96.

²⁵ Tac. Germ., 5.

²⁶ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия..., с. 27.

²⁷ Мачабели К. Г. Серебряные фиалы из Армазисхеви. Тбилиси, 1970, с. 65.

ских даров варварским вождям уже обращалось внимание в работах археологов²⁸.

Таким образом, наиболее реалистично будет предположить, что римская парадная посуда в сарматских курганах Дона и Кубани поступила сюда в качестве дипломатических даров сарматским царям и их послам.

Однако римляне не выступали по отношению к своим близким и тем более дальним соседям филантропами, богатые дары так просто не раздавали. Законно поставить вопрос, кого и зачем оказалось необходимым подаривать на Дону в I—II вв. н. э.

Из сарматских племенных группировок римлянам были уже издавна хорошо известны языги и роксаланы. Первые уже к сер. I в. до н. э. вторглись в Паннонию, а вторые подошли к Днестру. Те и другие оказались опасными для северо-восточных границ Римского государства. Однако на Дону в это время располагались другие сарматы. Первыми преемниками ушедших на запад языгов и роксаланов здесь оказались аорсы. После руб. н. э. наряду с ними и вместо них в этом районе выступают уже аланы. Каково соотношение между теми и другими, каков характер событий I в. до н. э., приведших к смене этих этнонимов, в сведениях римских авторов, пока неясно²⁹. Во всяком случае донские сарматы в I в. до н. э. непосредственной угрозы для Рима не составляли, исключая, быть может, 70-е—60-е гг., когда Митридат Евпатор готовил поход на Рим через Подунавье с помощью сарматов, тавров и скифов. Но и тогда расчеты Митридата, хотя, быть может, и не миновали донских сарматов, все же опирались скорее всего на тех, кто уже стоял у границ Римского государства. Впрочем, поход не был осуществлен³⁰.

В последние три десятилетия I в. до н. э. Октавиан Август серьезно озабочен действиями сарматов у берегов Дуная. В 18 г. до н. э. вторжение сарматов во Фракию вызывает

---

²⁸ Кроме М. Уиллера см. также: *Johansen K. Fr.* Op. cit., p. 163—164; *Majewski K.* Residences de princes de territoires tribaut situés au nord de Karpates et des Sudètes aux temps de l'Empire Romaine. — «Archaeologia Polona», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, N V, s. 23; *Wolagiewicz R.* Napływ importów rzymskich do Europy na Północ od Środkowego Dunaju. — «Archeologia Polski», 1970, t. XV, z. I, s. 239.

²⁹ *Harmatta J.* Studies on the history and the language of the Sarmatians. Szeged, 1970.

³⁰ *Аппиан.* Митридатовы войны. — ВДИ, 1946, № 4.

там восстание против союзного Риму царя. Конфликтная ситуация сложилась и на Боспоре: легат Августа Агриппа и ставленник римлян царь Полемон натолкнулись на упорное сопротивление местной оппозиции, которую возглавила внучка Митридата Динамия (17—14 гг. до н. э. и после 13 г.). Полемон за неповиновение покарал разгромом город Танаис, лишив его части городских стен (предположительно в 8 г. до н. э.), но сам погиб в 7 г. до н. э. на Таманском полуострове от рук племени аспургианов. На Боспоре воцарились Динамия, а затем ее как-то связанный с аспургианами сын Аспург. Поскольку Динамия и Аспург признали известную политическую зависимость от Рима, а стены Танаиса долго оставались не восстановленными³¹, очевидно, опасная для римских интересов напряженность в этом районе совпадает в основном с Полемоновским периодом (17—7 гг. до н. э.). Кроме военных операций, идет в ход и дипломатическое искусство: глубокий интерес и симпатию начинают вызывать те, кто находится за спиной у беспокойных соседей. Сохранилось сообщение о том, что при Августе в Рим прибыли послы сарматов из Подонья³². Домой они могли вернуться не с пустыми руками. Однако на Дунае и на Боспоре скоро наступило успокоение и интерес Рима к прочным связям с сарматами Дона надолго угас.

В течение всей первой половины I в. н. э. ситуация остается без существенных изменений.

В 49 г. н. э. царь северокавказского народа сираков Зорсин вступился за низложенного римлянами боспорского царя Митридата VIII, но римляне привлекли на свою сторону царя аорсов Евнона, и вместе разбили сираков³³. С этого времени, видимо, снова начали поступать на Нижний Дон и Кубань богатые дары римлян. Аорсы и аланы стали интересовать римлян как сила, способная оказывать сдерживающее воздействие на врагов Рима в двух очагах военного беспокойства.

Первый очаг сложился в Закавказье. Римляне вели здесь затяжную борьбу с Парфией. Когда аланы обрушились на Закавказье с севера грабительскими походами, пострадали и парфяне и вассалы Рима. Нерон даже готовил поход на Кавказ против аланов. Дипломатическое искусство заключалось

³¹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 323; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 226—235.

³² Деяния божественного Августа, 31, 1 — ВДИ, 1946, № 1, с. 215.

³³ Tac. Hist., XII, 15—20.

в том, чтобы отворотить острие аланского удара от римских владений и союзников и направить против соперников Рима. В 73 г. н. э. парфянский царь Аршакид Вологез I просил Веспасиана о помощи против аланов, но получил отказ³⁴. Римляне занялись укреплением Иберии, а какие меры были приняты для спасения зависимых от Рима государств, страдавших от аланских набегов — Армении и Каппадокии, — остается лишь догадываться.

Другой очаг беспокойства возобновился в Подунавье. В 60-е гг. н. э. языги и роксаланы неоднократно вторгались в Мезию, грабили население и уничтожали римские гарнизоны. В 70-м г. они были разбиты легатом Плавтием Сильваном³⁵. В 87 г. в разгар войны с даками Децебала император Домициан ведет переговоры с языгами и роксаланами, стараясь удержать их в стороне. Но уже в следующем году возникает общая конфедерация языгов, квадов и маркоманнов против Рима, активно действующая до 92 г., и когда в 98—99 гг. Траян инспектирует Дунай, эта лига еще остается опасностью. В 101—102 г. роксаланы выступают союзниками Децебала против Рима, а в 105—106 гг. языги то подчиняются Риму, то восстают против него. После захвата Дакии римлянами в 106 г. роксаланы замирены и получают от Траяна ежегодные подарки. Из-за уменьшения этих подарков, однако, роксаланы восстают в 117 г. вместе с языгами и квадами. Адриан очистил от них Мезию и заключил мир в 118 г.³⁶

Были ли роксаланы единственным сарматским народом, получавшим от римлян регулярные дары в это тревожное время? Вряд ли. Судя по исторической ситуации, для римлян в это время было важно обеспечить приязнь аорсов и аланов — серьезной и активной силы, нависшей с тыла над беспоконными Рим соседями в обоих очагах — дунайском и закавказском. Археология подтверждает эти догадки: категории импорта, выступающие обычно в качестве дипломатических даров Рима, размещаются в последние десятилетия до н. э. в Поволжье и на Кубани, а во второй половине I — нач. II вв. н. э. сосредоточиваются на Кубани и на Нижнем Дону. Эти археологические материалы историк вправе рассматривать как своего рода заменитель не дошедших до нас договоров. Наиболее вероятными моментами особенно интенсивного поступления

³⁴ *Dio Cassius*, LXV, 15.

³⁵ *Tac. Hist.*, I, 79.

³⁶ *Элий Спартиан*. Адриан, 6. — ВДИ, 1949, № 3, с. 256.

даров представляются последние десятилетия до н. э., особенно 14—7 гг., затем годы 49, конец 60-х — начало 70-х, с 90-х по 118.

Очень любопытны соотношения между размещением легионов и концентрацией крупнейших комплексов римского художественного серебра.

От времени Августа (по состоянию на 6 г. н. э.) до эпохи Нерона (на 63—68 гг.) количество западно- и центральноевропейских легионов возросло с 11—12 до 16, а количество восточноевропейских (нижнедунайских) постепенно снизилось с 8 до 4. При Нероне рывком удвоилось количество азиатских легионов (с 3—4 до 6—7). На царствование Нерона вообще падает резкий перелом в ориентировке римской внешней политики. С этого времени неуклонно снижается количество западно- и центральноевропейских легионов — к царствованию Траяна (103 г. н. э.) оно уменьшилось вдвое (с 16 до 8) при одновременном возрастании количества восточноевропейских, нижнедунайских (с 4—5 до 13) и оставлении азиатских на прежнем уровне (6)³⁷. Итак, в первой половине I в. н. э. внимание Рима приковано к Западной и Центральной Европе (в основном к Германии), в середине века некоторое количество сил отвлекает на себя Азия (борьба с Парфией, потеря Армении), а во второй половине I в. н. э. главные силы Рима перекачиваются в Восточную Европу, на Нижний Дунай.

В полном соответствии с этим богатейшие находки римского художественного серебра второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э. оказывались в Центральной Европе — в Германии и Дании (Гильдесгейм, Хоби и, возможно, Любзов)³⁸, куда меньше и беднее — на Кубани и Волге, тогда как богатейшие комплексы римской драгоценной посуды середины и второй половины I в. н. э. — начала II в. н. э. оказываются на Дону и Кубани. И в этом наблюдается смещение с запада на восток, причем серебро несколько опережает легионы. В этом смысле оно — более чуткий указатель вектора политики.

Со 130-х годов ситуация изменилась. Аланы сами вторглись в западную часть Северного Причерноморья. В 139—

---

³⁷ *Kubitschek W.* [s. v.] *Legio*. — *Pauly-Wissowa Realencyclopädie*, Bd. XII, стлб. 1362—1367. — В Африке в течение всего этого времени держится 3—4 легиона.

³⁸ Детальные сдвиги в западной части прослежены в работе: *Wolagiewicz R.* *Op. cit.*, s. 207—252.

140 гг. ими была осаждена союзная Риму Ольвия, в то же время в Закавказье подверглась вторжению аланов зависимая от Рима Иберия. Кончился период, условия которого способствовали притоку на Дон римской художественной серебряной и бронзовой посуды по дипломатическим каналам. Вступили в действие каналы военной добычи и дани — соответственно изменился и состав импорта. Разумеется, каналы торговли также действовали и определяли характер значительной части импорта. Но это уже выходит за пределы данного обзора.